

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

2013.03.016. НИКОЛС Л.Т. СОРОКИН КАК ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА: РЕАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ.

NICHOLS L.T. Sorokin as lifelong Russian intellectual: The enactment of an historically rooted sensibility // American sociologist. – New Brunswick (NJ), 2012. – Vol. 43, N 4. – P. 374–405.

В статье Лоуренса Николса (Университет Западной Виргинии, США) анализируются стилистические особенности и основные темы научного творчества выдающегося русско-американского социолога П.А. Сорокина (1889–1968). По мнению автора статьи, качественное понимание американского периода деятельности ученого невозможно без обращения к специфике русской культуры и социально-историческому контексту конца XIX – начала XX в., в котором формировалось мировоззрение Питирима Сорокина (до 1922 г.).

В период жизни в России Сорокин показал исключительный пример интеллектуальной и политической карьеры, сравнимой с деятельностью Э. Дюркгейма и М. Вебера. Помимо того, что в возрасте от 21 до 33 лет он написал 162 научные работы и был первым руководителем кафедры социологии в Петроградском университете с 1919 по 1922 гг., он также избирался депутатом Учредительного собрания и получил должность советника во Временном правительстве А.Ф. Керенского. Однако западные социологи и историки не оценили в полной мере значение этапа становления П.А. Сорокина в России, что мешает адекватному пониманию его идей в американский период. В Сорокине, как правило, видели маргинального ученого, а его работы рассматривали в качестве отклонения от принятой в социальных науках практики. Л. Николс считает, что, несмотря на карьерные успехи Сорокина в США, он на протяжении всей жизни оставался русским интеллигентом с «русской душой»,

что наложило отпечаток на все его творчество. Ключом к разгадке «противоречия Сорокина», по мнению Николса, может стать понимание социально-политического, культурного и интеллектуального контекстов, а также жизненного опыта, в рамках которых Сорокин формировался как ученый [с. 377]. Например, то, что остается непонятным и непопадающим под категорию «нормальной науки» (Т. Кун) для западных ученых, является глубоко укорененной традицией в России и объясняет многие повороты в творчестве социолога.

Историки американской социологии опубликовали резко контрастные исследования, оценивающие роль Сорокина в социологии. Критики, как правило, рассматривали сорокинскую карьеру, отмечая удачное начало, отказ от научных методов и изоляцию в поздний период творчества (А. Боскофф, Д. Мартиндейл, Л. Козер и др.¹). В то же время для многих других современных американских социологов жизнь и творчество Сорокина стали источником вдохновения их собственных научных поисков (А. Дэвис, Э. Тириахьян, Б. Джонстон, В. Джеффрис, П. Талбот, Р. Весткот и др.). В наше время возрождение интереса к сорокинским работам происходит как в России, так и в США.

Нельзя не отметить, что интерес к Сорокину проявлялся и со стороны широкой общественности, что связано с особенностями его научной деятельности. В поздний период творчества (особенно после 1941 г.) Сорокин ведет активную публицистическую деятельность, дает радиоинтервью и участвует в аудиозаписях своих лекций по различным темам: от социокультурного кризиса и русско-американского конфликта, до американской сексуальной революции и возрастания роли творческого лидерства в Азии. Сорокин, таким образом, обращался к людям, не относящимся к академической науке, что дает основание идентифицировать его творчество как «традиционную публичную социологию» в модели Майкла Буравого [с. 377].

Л. Николс обращается к некоторым специфическим категориям сорокинского творчества, корни которых уходят в россий-

¹ См. например: Boskoff A. *Theory in American sociology: Major sources and applications*. – N.Y.: Crowell, 1969; Martindale D. *Prominent sociologists since World War II*. – Columbus (OH): Merrill, 1975; Coser L.A. *Masters of sociological thought: Ideas in historical and social context*. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1971.

скую культурно-историческую традицию. Он выделяет четыре стилистические особенности работ социолога: энциклопедизм, полемика, пророческий настрой и просветительский, или «публичный», жанр.

Энциклопедизм. Энциклопедизмом Николс называет стремление Сорокина собирать и каталогизировать весь известный массив данных при изучении той или иной социальной проблемы. Так, например, первая академическая работа Сорокина на английском языке «Социология революции»¹ была основана на анализе нескольких сотен революций с древнейших времен до нашего времени, а в книге «Современные социологические теории»² был составлен обзор предыдущих 50 лет развития социологической мысли, включающий несколько сотен имен [с. 378]. Во всех последующих исследованиях Сорокина энциклопедизм также являлся отличительной чертой, что особенно ярко проявилось в его фундаментальной «Социальной и культурной динамике»³, анализирующей более 20 столетий истории. Американская социология, тем не менее, имела противоположный вектор направления, развиваясь в сторону большей специализации и маломасштабных исследований [с. 379]. По мнению Николса, стремление Сорокина к энциклопедизму обусловлено спецификой университетского образования в России, обязательным требованием получения которого было изучение широкого спектра литературы. Так, например, в одном из писем, написанных Сорокиным в США в начале 1930-х годов, он отзывается о русских профессорах, у которых ему довелось учиться, как о «ходячих энциклопедиях» [с. 380].

Пolemika. П.А. Сорокин на протяжении всей своей карьеры в США был известен склонностью вступать в дискуссию и высказывать критические замечания. Сорокин очень часто бросал вызов американскому социологическому сообществу, оспаривал самые популярные и влиятельные подходы в американской социологии. К примеру, в «Причинах и недостатках современной социологии и

¹ Sorokin P.A. The sociology of revolution. – Philadelphia (PA): Lippincott, 1925.

² Sorokin P.A. Contemporary sociological theories. – N.Y.: Harper, 1928.

³ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: In 4 vol. – N.Y.: American book co., 1937–1941.

смежных наук»¹ он раскритиковал изучение малых групп, осудил социологов за «нумерологию» и «квантофрению» в социологических исследованиях, а в «Социологических теориях сегодня»² представил сравнение положений Т. Парсонса 1951 г. о системном подходе со своей более ранней моделью «общества, культуры и личности» 1947 г.³ В своих оценках Парсонса Сорокин был очень близок в обвинении того в плагиате или нежелании ссылаться на источники [с. 380–381].

Истоки тенденции к диспуту Л. Николс видит в революционной и политической активности Сорокина в России в период с 1905 по 1922 г., когда «полемика была неизбежна» и Сорокин, вероятно, получал удовольствие от интеллектуальных баталий [с. 381]. Кроме того, публичная интеллектуальная дискуссия была неотъемлемой частью присуждения научной степени в российских университетах, что очевидно прослеживается в процедуре защиты диссертаций с участием официальных оппонентов.

Пророческий настрой. К середине XX в., когда Сорокин наиболее активно стал выступать за необходимость преодоления глубокого социокультурного кризиса чувственной системы ценностей, его деятельность воспринималась социологическим сообществом не иначе как утопические поиски, уход в мистику и полный отказ от научных методов. Как отмечает Николс, «пророк» в России имеет несколько иной смысл, нежели «публичный интеллектуал» в США. В русской культуре пророчество также означает страдание во имя народа и склонность критиковать действительность от имени высшей власти (духовной сущности или экономических сил истории), даже рискуя при этом собой [с. 385]. Николс приводит в пример судьбы А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского. Имея глубокую традицию феномена пророчества и самопожертвования, русская публика, скорее всего, восприняла бы работы Сорокина с интересом, в то время как американцы в целом негативно отнеслись к идеям грядущего кризиса культуры.

¹ Sorokin P.A. Fads and foibles in modern sociology and related sciences. – Chicago (IL): Regnery, 1956.

² Sorokin P.A. Sociological theories of today. – N.Y.: Harper & Row, 1966.

³ Sorokin P.A. Society, culture and personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology. – N.Y.: Harper, 1947.

Просветительская деятельность и «публичная социология». С момента своего приезда в США Сорокин находился в ракурсе общественного внимания. Его частые выступления в СМИ на злободневные темы на понятном широкой общественности языке сделали его имя знакомым для американцев. Практика «хождения в народ» для Сорокина началась еще в российский период. Приверженность этой идее, как полагает Л. Николс, была связана как с влиянием народнической традиции, так и с отказом Л.Н. Толстого от создания литературы, ориентированной исключительно на образованные классы [с. 386].

Определив характерные свойства работ Сорокина, Л. Николс переходит к анализу основополагающих проблем его творчества, также имеющих «русские корни». Николс выделяет пять основных тем: интегральное познание, упадок Запада, сексуальные нравы, анархизм и альтруизм.

Интегральное познание. В «Социальной и культурной динамике» Сорокин представил идею «интегральной системы знаний и ценностей». Он отдавал предпочтение развитию идеальной (интегральной) системы наряду с двумя противоположными друг другу идеациональной (духовной) и чувственной (светской) системами [с. 388]. Примечательно, считает Николс, что по определению идеальная система ценностей ближе всего находится к идеациональной с ее преобладанием духовного и вечного над материальным и переходящим [там же]. Выход из кризиса для Сорокина был связан с признанием приоритета духовных и нравственных ценностей. Сорокин, таким образом, открыто выступил в роли «ученого-верующего» и тем самым бросил вызов современным нормам науки, рискуя быть подвергнутым критике со стороны коллег-социологов.

Идеи интегрализма также можно найти в русской интеллектуальной традиции, например в работах идеологов славянофильства. Позиция Сорокина сравнима со взглядами И.В. Киреевского и А.С. Хомякова по вопросам соотношения веры и разума. Идейное влияние также оказало учение философа В.С. Соловьева о «всеединстве».

Упадок Запада. Отношения России и Запада являются центральной темой для представителей славянофильского течения и его последователей. Эта же тема была центральной и для русских

марксистов применительно к тому, где должна начаться социалистическая революция: на индустриально развитом Западе или догоняющем Востоке.

В сорокинских работах эта идея в поздний период сводится к тому, что Запад на протяжении нескольких веков, пока развивалась чувственная система ценностей, играл роль «творческого лидера человечества». Однако чувственная культура исчерпала свои ресурсы и должна уступить место новой интегральной культуре, объединяющей созидательный потенциал Запада и Востока. Американские современники Сорокина, не зная контекста данной проблемы в России, на фоне возрастающей политической и экономической гегемонии США восприняли эти идеи Сорокина как очередную специфику его личных взглядов. Тем не менее, проблема имела глубокие корни.

Сексуальные нравы. Обращение к теме сексуального поведения также является важной составляющей творчества П.А. Сорокина в американский период. Для Сорокина, отмечает Николс, изменения сексуальных представлений, установок и поведения являются важными индикаторами исторических изменений, которые оказывают заметное влияние не только на институт семьи, но и на социальные отношения в целом [с. 394]. Так, предугадав процессы, которые развернутся в будущем, в 1956 г. Сорокин публикует книгу «Американская сексуальная революция»¹, рассчитанную на массового читателя. В книге он попытался показать, что растущая сексуальная свобода в целом несет негативные последствия для американского общества (рост числа разводов, увеличение числа неполных семей, слом традиционного семейного воспитания и т.д.). Стоит отметить, что уже в «Динамике» Сорокин указывал на то, как современное искусство, начиная с XVI в., становилось все более плотским и эротизированным по сравнению с идеациональным (религиозным) искусством. Л. Николс обращает внимание на тот факт, что в ранних работах Сорокин также обращался к теме сексуального поведения. В книге «Голод как фактор»² социолог показал, что крайний голод подавляет нормальные сексуальные

¹ Sorokin P.A. The American sex revolution. – Boston (MA): Sargent, 1956.

² Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – Пг.: Колос, 1922.

процессы, делает сексуальные отношения механическими, лишенными нормальных эмоций. В «Социологии революции»¹ Сорокин на примере Октябрьской революции 1917 г. отмечал, что сексуальная распущенность сопровождает многие коренные общественно-исторические переломы [с. 395–396].

Для адекватной оценки взглядов Сорокина на сексуальное поведение в США Николс вновь считает необходимым обратиться к периоду формирования мировоззрения социолога в России. Так, в конце XIX в. символистами был провозглашен «культ Эроса». Позже большевиками был взят курс на слом традиционных институтов семьи и брака. Как считает Николс, эти процессы существенно повлияли на взгляды Сорокина, который на протяжении всей жизни останется сторонником нуклеарной семьи и семейной верности и будет защищать свои убеждения в период американской сексуальной революции.

Анархизм. В своей автобиографии² Сорокин охарактеризовал себя как «консервативного христианского анархиста». И если в США сторонников анархизма среди ученых было немного, в России в начале XX в. анархизм был популярным идейным течением. Сорокин был идейно близок к ненасильственной ветви этого движения (П.А. Кропоткин, Л.Н. Толстой). По мнению Николса, американская книга Сорокина «Власть и нравственность» (в соавторстве с У. Лунденом)³ заметно перекликается с работами Кропоткина и Толстого [с. 397–398]. В этой работе критикуется тенденция любой власти к коррупции и насилию. В американском контексте, где власть и наука как правило взаимовыгодно сосуществуют, отмечает Николс, подобные идеи не могли стать популярными.

Альтруистическая любовь. После окончания Второй мировой войны в конце 1940-х – начале 1950-х годов Сорокин публикует серию работ по альтруизму и социологии любви, не имеющих аналогий в американской социальной науке [с. 398]. Сорокин делает вывод о том, что никакие меры (политические, экономические, научные) не смогут надолго предотвратить вероятность наступле-

¹ Sorokin P.A. The sociology of revolution. – Philadelphia (PA): Lippincott, 1925.

² Sorokin P.A. A long journey. – New Haven (CT): College & univ. press, 1963.

³ Sorokin P.A., Lunden W.A. Power and morality: Who shall guard the guardians? – Boston (MA): Sargent, 1959.

ния глобального конфликта. Благодаря меценатской помощи бизнесмена Эли Лилли Сорокин создает Гарвардский центр по изучению созидательного альтруизма, закладывает основы новой междисциплинарной области, которую он назвал «амитология», публикует исследования на эту тему, ведет университетский курс по межличностной и межгрупповой солидарности. Американские социологи в целом проигнорировали эти усилия Сорокина, посчитав их противоречащими принципам социологии как науки. Корни этой темы Л. Николс также находит в раннем периоде творчества Сорокина. Особый акцент Николс делает на том влиянии, которое оказали на Сорокина работы и личный опыт Л.Н. Толстого. Доказательством этого заключения Николс считает, например, сорокинскую статью «Л.Н. Толстой как философ»¹. Защищая точку зрения писателя, Сорокин указывал на то, как Толстой последовательно обосновывал, что смыслом человеческой жизни является стремление к объединению с Богом. И это стремление требует от человека альтруистической любви и сострадания [с. 399]. Безусловно, отмечает Николс, приравнивание духовного учения к социологической закономерности рассматривается как абсолютно неприемлемая идея в современной американской социальной науке [с. 399–400].

В заключение Л. Николс отмечает, что начиная с 1990-х годов как в США, так и в России возникла новая волна проявления интереса к творчеству Сорокина. В этой связи русско-американское сотрудничество имеет особенное значение, поскольку может обеспечить действительно «интегральное» понимание личности великого социолога [с. 401].

А.Ю. Долгов

¹ Сорокин П.А. Л.Н. Толстой как философ // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипноза. – СПб., 1912. – № 4–5. – С. 80–95.